

Школа Соловецких юнг Северного флота

«В общем прекрасном Пиру Победы была маленькая капля и моего мёду».
Юнга Валентин Пикуль.

Какой советский мальчишка не мечтал стать моряком? Во время войны – военным моряком? У тех, кто попал на учёбу в Школу юнг Северного флота, эта мечта осуществилась сполна.

Слово «юнга» пришло к нам из Голландии, когда Пётр I открыл школу юных моряков в Кронштадте. В после петровские времена подготовкой моряков в России занимались многочисленные военно-морские учебные заведения (кадетские училища, корпуса и классы), куда зачисляли отроков с юных лет. В советское время на Ладожском озере на Валааме было открыто отделение юнг при школе боцманов. Это было в 1940 году, когда остров Валаам «отошёл» от Финляндии к Светской России. Начало у этой истории романтическое, конец – трагический. Юнги (ленинградские мальчишки 15-16 лет) жили на сказочно красивом острове, самозабвенно изучали морские науки, в их распоряжении были учебные шхуны и даже корабль... Доучиться не успели – началась Великая отечественная война, и они вдруг оказались на боевых рубежах. Морская подготовка пригодилась – юные моряки спасли войсковую часть, зажатую противником на берегах Ладоги: на шлюпках вывезли воинов на Валаам. Часть юнг участвовало в боях на «Невском пяточке», где советские войска удерживали оборону четыреста дней. Но продолжительность жизни защитников этой огневой точки была около пятидесяти двух часов, почти все участвовавшие в этой операции юнги погибли. Пали смертью храбрых юнги и на других рубежах. Считается, что из двухсот валаамских юнгашей в живых осталось не более десятка человек...

Приказ № 108 от 25 мая 1942 года адмирала Н.Г. Кузнецова

Первый период Великой Отечественной войны был самый тяжёлый по потерям личного состава армии, и потому в 1942 году было решено готовить кадры в ускоренном порядке, причём начиная с подросткового возраста. В мае 1942 года вышел приказ № 108 наркома ВМФ СССР адмирала Н.Г. Кузнецова «О создании школы юнг ВМФ». Согласно приказу, Школа юнг должна была «готовить кадры рядовых специалистов высокой квалификации» для всех флотов и флотилий Советского Союза. Школу планировалась укомплектовать юношами в возрасте 15-16 лет, имеющими образование в объёме 6-7 классов. Обучение юнгов должно было складываться из двухмесячной общестроевой подготовки, девятимесячного обучения по специальности, месяца каникул и «практического плавания на кораблях флота до достижения призывного возраста».

Чтобы попасть в юнги, надлежало «выправить» массу документов: выписку из ЗАГСа о рождении, справки об образовании, состоянии здоровья, о согласии родителей, о несудимости (из милиции); написать автобиографию и что немаловажно – пройти медицинскую комиссию. Юнгой ВМФ мог стать юноша любой национальности из состава народов СССР. Несмотря на то, что набор проводился без большой огласки, желающих мстить «за сожжённые города и сёла, за смерть тысяч мирных советских людей» нашлось множество. Пришлось проводить отбор. В первую очередь брали детей моряков и военных, сыновей полков, воспитанников кораблей, сирот из детских домов. Попадали в юнги и подростки-партизаны. Из смоленских лесов прибыли Алексей Юденков и Александр Радьков. Уже во время учёбы на Соловках юным героям пришли награды: за боевую деятельность в партизанском отряде Алексей был

награждён Орденом Красного Знамени, а Александр – орденом Красной Звезды. Из блокадного Ленинграда приехали в Школу Юнгов будущий Герой Советского Союза Владимир Моисеенко и будущий писатель Валентин Пикуль (он приписал себе год, чтобы его зачислили в юнгаши).

Чтобы попасть в юнги, мальчишки шли на разные уловки: писали за родителей заявления на согласие отпустить из дома, менялись документами с теми, кто был годен к службе, но «сходил с дистанции» по слабости характера, приписывали себе года, даже выкалывали на руке вымышленный год рождения!

Из двенадцати разных городов союза абитуриентов привезли в Архангельск (по дороге восемь человек всё же сбежали, спасовав перед будущими трудностями). Здесь мальчишек ждали комиссии. Сначала не улыбочивые барышни водили мальчишек (раздетых догола, что их чрезвычайно смущало) по врачам, и по состоянию здоровья (слух, зрение, недовес, рост ниже 150 см) было забраковано 212 человек. С маленьким весом брали только мальчишек-поморов: «Ничего, откормим, зато эти морскую науку знают!». Затем приёмно-техническая комиссия отсеяла ещё 53 человека «по нежеланию служить и боящихся условий учёбы и службы» и 21 человек из-за недостаточного образования. Так, в первый набор попали 1179 человек, из которых комсомольцев – 446, беспартийных – 720, пионеров – 13.

Мальчишкам выдали бывшую в употреблении флотскую форму: тельняшки, фланеленки, брюки, шинели – всё это большого размера, пришлось подгонять под щуплые фигуры. По меткому выражению юнги Стаса Шкарина, «в брюках можно было утонуть, не выходя в море». Ещё одно разочарование: на бескозырке вместо длинных лент с якорями был аккуратный бантик и надпись «Школа юнгов ВМФ». Юнгам объяснили, что право носить ленты надо ещё заслужить. Перед отправкой на Соловки юнгам зачитали приказ № 227 «Ни шагу назад!».

Школа должна была быть размещена на Соловецких островах на базе уже дислоцировавшегося здесь Учебного отряда Северного флота. Всего за три набора, произведённых в Школу юнг в 1942, 1943 и 1944 годах, в Школу было зачислено 4444 человека. Добавить сюда 30 юнг-шифровальщиков (они жили и занимались отдельно, их хорошо кормили, а главное – на их бескозырках красовались ленточки, как у «настоящих» моряков!) и можно говорить о цифре около 5000 учеников. Официально три выпуска Школы составили 4111 человек.

Первый набор прибыл на Соловки летом 1942 года. Многие мальчишки тогда впервые увидели море... Добирались разными транспортами: одни шли в штиль и ребята любовались белыми ночами и абсолютно прозрачной водой, другие попали в шторм, когда «палуба уходила из-под ног...». Но пацаны не уходили с палубы, пробовали морскую воду на вкус. Даже через несколько десятков лет впечатление от первой встречи с морем не стёрлось из памяти юнги Сергея Ракова:

«Чувствовалось близость Ледовитого океана. Море вздымалось и горбилось, волны скручивались жгутом, выставляя острые гребешки. Водная неукротимая стихия заставляла себя уважать...».

Впереди будущих моряков ждали загадочные Соловецкие острова...

«Юнга – простая рабочая единица в четверть лошадиной силы»

Да, «Соловки завораживали, хранили множество тайн», но... не были готовы к такому массовому нашествию молодёжи. Им предстояло создать себе базу своими руками, и в первую очередь – построить себе жильё. Каждой роте были отведены участки леса и юнги, «с пятью топорами, щедро и мудро выданных» начальниками (В.Пикуль), принялись за работу: валили сосны, таскали брёвна, рыли котлованы, выворачивали каменные глыбы. Особенно «адская работа», как вспоминают юнги, была с валунами: «десятки раз мы били по валуну, но он и не думал раскалываться. Руки покрывались кровавыми мозолями». Тогда применяли следующий приём: под камнем разжигали костры, а затем поливали его водой. Не менее сложно было и доставить груз по назначению. На всю школу имелась полторка, которая «вечно была в ремонте», да лошадь по кличке Бутылка. Юнга Виталий Гузанов вспоминал, что «начхоз, в ответ на требование дать лошадь, отвечал: «Возьми четверых юнг и кати в лес». Вот и получалось: «юнга – простая рабочая единица в четверть лошадиной силы».

Однако мальчишки не сдавались:

«...похудели мы до неузнаваемости, силы были на исходе, а расслабляться нельзя. Зима подступает вплотную ... Никто не хныкал, никто не сачковал, все работали до седьмого пота»

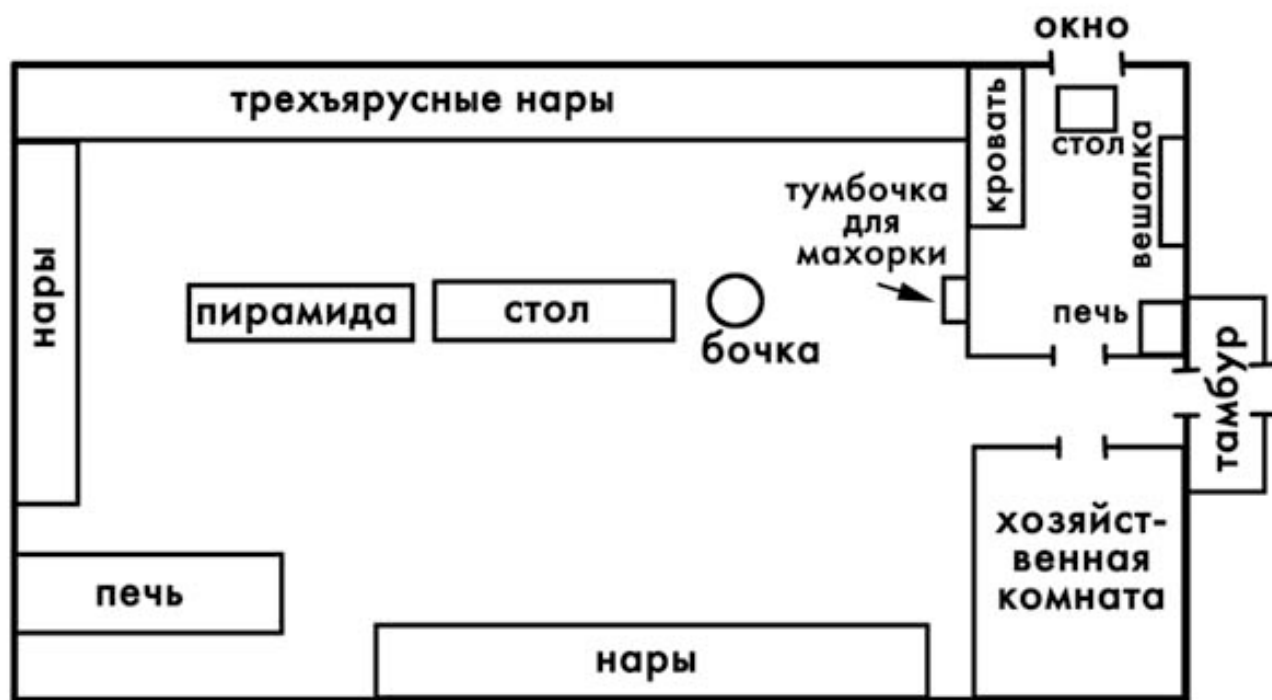
Михаил Хорошев

К ноябрю юнги переселились из сырых продуваемых палаток в землянки, гордо именовавшиеся «кубриками». Название землянка больше соответствовало действительности: жилище было выкопано в склоне горы (котлован 13 на 6 на 3,5 метров). Стены и потолок обшивались досками в два ряда, между которыми набивали мох и листья. Главное в землянке был не комфорт, а маскировка от возможных

нападений противника, поэтому жили юнгаши вполне аскетично. Вдоль стен располагались трёхъярусные нары, на них лежали матрасы и подушки, набитые морской травой. В головах нар были полочки для мелочей: мыльница (давали один кусок мыла в месяц), ложка, письма, фотографии родных, самодельные ножи... Конспекты на полки не помещались, их прятали под подушкой или под матрасом.

Посередине кубрика стоял стол в 5-6 метров длиной и скамьи с двух сторон. Перед отходом ко сну на них укладывалось обмундирование. Стол представлял собой рундук, разделённый на ячейки, где юнги хранили одежду – на каждой ячейке была бирка с фамилией. На пиллерсе (опорный столб, на судне – подпорка под палубой) у выхода из землянки устраивались круглые винтовочные пирамиды на 10-12 винтовок. На среднем пиллерсе висел репродуктор «Рекорд» и четырёхгранный барабан, на котором вывешивались расписания, графики и боевые листки.

Поначалу в землянках даже света не было, если не считать фонаря-«летучая мышь» и от коптилок – железных чернильниц с фитилями, в которых в качестве горючего был тюлений жир, – все стены были чёрными. Затем «кубрики» стали освещаться электролампочками, но движок прекращал работу в 24.00, и свет гас.

Была в землянке большая печь, а зимой ставили ещё и «буржуйку». И всё равно, как вспоминают юнги:

«холод был собачий, ночью мёрзли. Но придумали выход. Перед тем, как ложиться спать, нагревали на плите по кирпичу и брали его с собой под одеяло. К утру раздавались громовые раскаты: это с третьего яруса (кто-то повернулся) кирпич падал на пол, все подскакивали. Вдруг, в другом месте ещё кирпич падал»

Л. Я Пшеничко

Чтобы придать кубрику жилой вид, его украшали якорями, кораблями, звёздами, набранными камнями. На переднем пиллерсе устанавливался рей для сигнальных

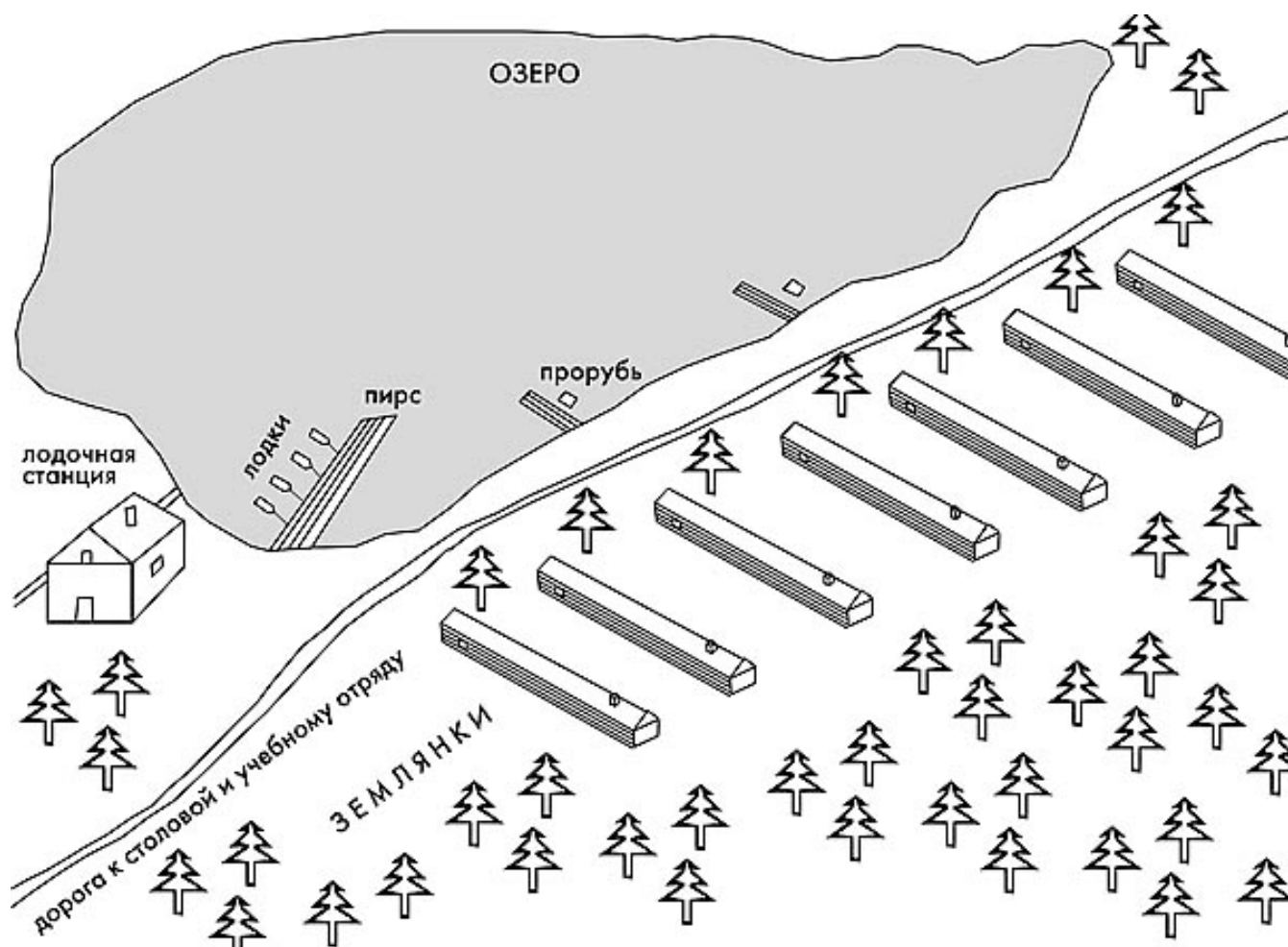
флагов. На перегородке висели плакаты «Воин Красной Армии, спаси!», «Родина-мать зовёт!», «Чем ты помог фронту». Жилые и учебные помещения украшали портретами Сталина, великих флотоводцев (их биографии изучались на уроках). Были в землянках и картины, нарисованные самим юнгами. Конечно же, главными сюжетами на них были знаменитые морские сражения. Кстати, «морской бой» на бумаге был любимой игрой юнг.

«Юмор на флоте – это главный калибр»

К началу ноября практически всё было готово: жилые землянки, столовая, камбуз, пекарня и санчасть. Савватеево из уединённого скита превратился в военный посёлок, раскинувшийся вдоль просёлочной дороги на несколько километров: объекты были специально рассредоточены на случай воздушных налётов.

В самом Савватееве находились учебные корпуса, имевшие 42 класса, баня, прачечная и клуб. На расстоянии 700-2000 метров от посёлка находились жилые землянки. А в третьем пункте, в 450-600 метрах от центра, размещалась столовая на 500 мест, камбуз, хлебопекарня и санитарная часть. На горе Секирной находились продовольственные, вещевые склады и склады боепитания. В Трещанской губе была устроена шлюпочная станция. Так была создана инфраструктура школы юнг.

Не обходилось и без курьёзов. Однажды юнги получили «спецзадание»: нужно было выкопать окоп – убежище «на случай, если неприятель станет наступать со стороны леса или в случае налёта вражеской авиации». Траншею длиной три метра, шириной метр двадцать, глубиной полтора метра выкопали скоро, а когда принесли доски с шестью круглыми отверстиям и всё собрали, оказалось, что стратегический объект - это... галюн. Но задание было дано в духе традиционного флотского юмора. А «юмор на флоте – это главный калибр».

Умывались и стирали бельё в озере. От холода в воде коченели руки, дрожь пробирала всё тело. Сушили нательное и постельное бельё на морозе. Кипятили нижнее бельё в котлах на кострах с добавлением дезсредств. Беда была с обувкой: американские ботинки, выданные юнгам, были разработаны для войны в пустыне. Они быстро намокали, не успевали высыхать за ночь, а смазывать их было нечем. Хорошо, что юнга Сергей Раков вспомнил, как его дед выгонял дёготь, и сумел наладить процесс его изготовления, чем заслужил благодарность от своего командира.

«Война-войной, а обед по расписанию»

Ещё одним центром притяжения юнгатской жизни был камбуз, потому что «война-войной, а обед по расписанию». Питание состояло из каши, солёной трески и галет. На первое – суп из трески, на второе – сечка с треской (из-за сечки бичом школы стал

повальный аппендицит; оперировали здесь же, на острове в госпитале), а на третье – компот из хвои, чтобы цинги не было (употребление хвойных отваров предписывалось всем военным частям Северного флота). Юнги первого набора вспоминали, что ели на «открытом воздухе» и «иногда в миски попадал дождь, а потом и снег».

В наряд на камбуз каждый день заступало пятнадцать юнг. Юнга первого набора Фёдор Храмов так описывал дежурство:

«...из полузамёрзшего месива надо было извлечь картофелину. И, почистив её, промыть в чистой озёрной воде. На Севере и летом вода холодная, поэтому можно представить наши руки после этого «удовольствия»».

Одновременно юнги, заступившие в наряд по камбузу, получали возможность подкормиться. Когда с разрешения кока, а иногда в нарушение устава. Немалая часть дисциплинарных взысканий по Школе юнг была связана именно с камбузом: то дневальные спрятали бак с компотом, то юнги разобрали кирпичную стенку склада и утащили спички, табак, папиросы, консервы мясные, колбасу, ну и, конечно, вожделенную сгущёнку. Растущие организмы требовали хоть какой-то еды и иногда юнги вместо учёбы уходили в лес – собирать ягоды (а заодно и отоспаться!). Нарушителей ждала гауптвахта, злостных – отчисление.

Воинская часть № 30835 Северного флота

7 ноября 1942 года юнги приняли военную присягу:

«Я, ..., сын трудового народа, клянусь ... до последнего дыхания быть преданным своему народу. Если же по злему умыслу или трусости я нарушу ... присягу, то пусть меня постигнет суровая кара Советского закона... всеобщая ненависть... презрение трудящихся».

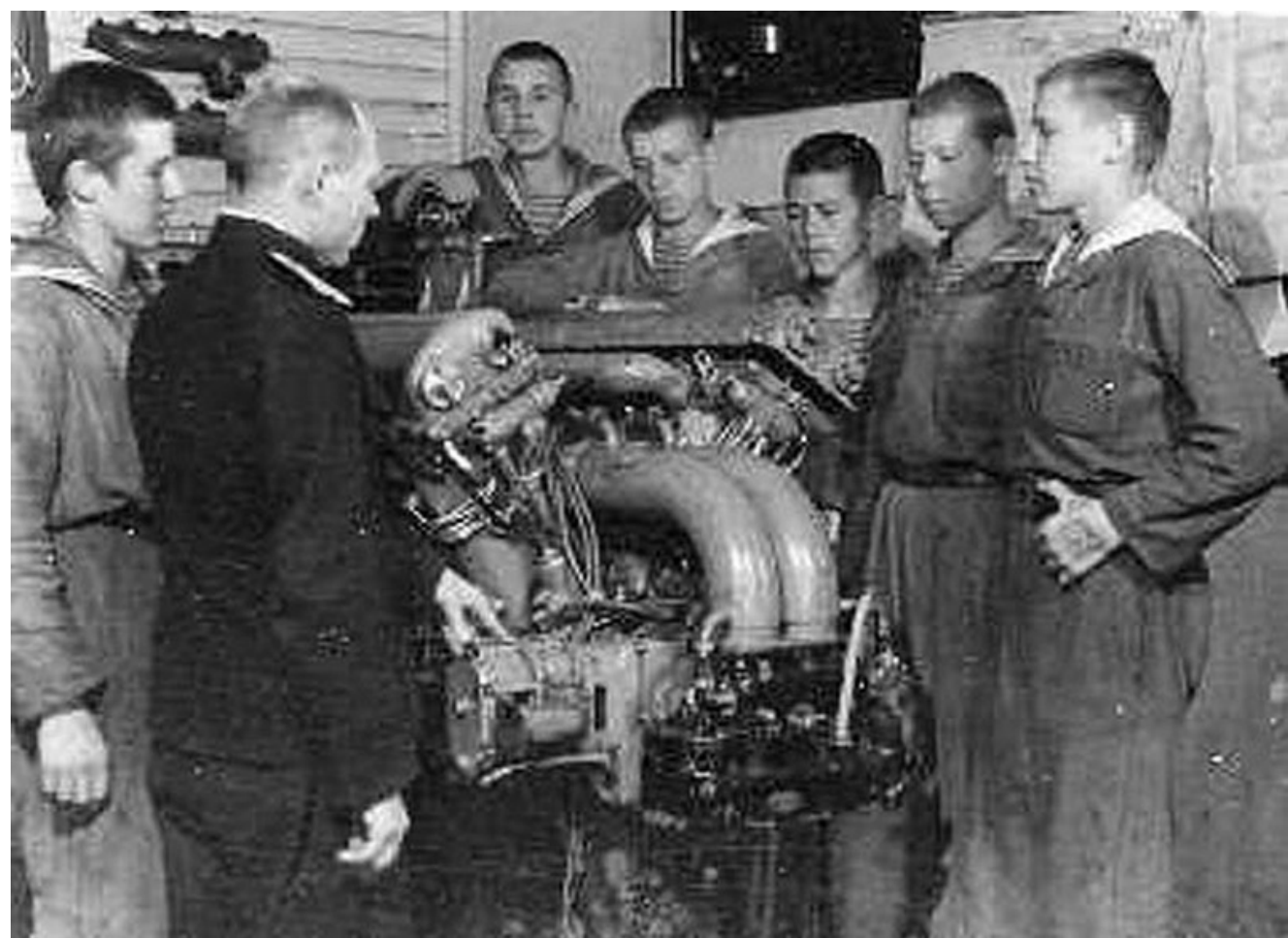
После принятия присяги Школа юнг стала полноправной воинской частью, которой был присвоен номер 30835 и вручено боевое знамя.

В расписании занятий у всех юнг значились, прежде всего, строевая и стрелковая подготовка, обучение приёмам рукопашного боя, изучение пулемёта, автомата, гранаты, занятия по химической защите и санитарному делу, морская практика.

Что касается специальностей, то в ШЮ готовили электриков-надводников, рулевых надводных кораблей, мотористов ТКА, с 1943 года – юнг-боцманов торпедных катеров (ТКА). В третьем призыве добавились ещё две специальности – мотористы-дизелисты и штурманские электрики. Для учёбы усилиями преподавателей и самих юнг были оборудованы специальные кабинеты: оружия, военно-химического дела, моторный, электронavigационных приборов, электро-радио-технический кабинет, минно-торпедный, военно-морского дела. Оборудовали такелажную мастерскую. Юнга Л. Пшеничко писал:

«Начались занятия, и мы с жадностью стали постигать азы морского дела. Особенно нам нравились занятия по морскому делу: устройство парусных кораблей и такелаж, семафорная и флажковая сигнализация, боцманское дело (вязание морских узлов, плетение кранцев и матов)».

Даже годы спустя юнги с теплотой вспоминали своих наставников. Из воспоминаний юнг:

«Нам нравилось, когда занятия проводил комбат Пчелин. С нами он проводил занятия по истории военно-морского искусства и уставам. Рассказывал он интересно, приводил в пример забавные случаи из морской практики».

В.Г. Гузанов

«У юнг роты радистов особым авторитетом пользовался старшина 2-й статьи Карачев. Был он строг и справедлив. ... Признаюсь, многие из нас хотели быть хоть чуть-чуть на него похожими».

А. Леонтьев

Следует сказать, что шесть преподавателей Школы юнг были награждены за успешную подготовку юнг медалью «За боевые заслуги». Не обошлось и без перекосов: проверка главы Военного Совета СФ контр-адмирала Николаева показала на 1 января 1943 г. на удивление высокие показатели успеваемости (отлично у 59,2 %) у преподавателя математики. Выяснилось, что преподаватель Камышко применял сомнительный способ повышения мотивации обучения: он давал «за отличные отметки на цыгарку табаку». Что поделать, мальчишки ускоренно проходили этап взросления, в посёлке пришлось даже оборудовать места для курения.

Когда юнги научились отличать «галс от гюйса, а фалреп от фалиня», началась морская практика. Они выходили в море на шлюпках под парусом и на вёслах. По воспоминаниям В. Г. Гузанова, «хождение на шлюпках было любимым занятием для всех юнг. Юнги ухаживали за ними, драили до блеска, стирали паруса...».

Наставником морской практики был сам начальник ШЮ капитан 1 ранга Н.Ю. Авраамов, любимый юнгами за знания и справедливость. Валентин Пикуль даже посвятил ему свой роман «Океанский патруль». Писатель вспоминал:

«Авраамов заслужил нашу особую любовь, когда мы стали ходить в море. Человек уже пожилой, в немалом звании, он не гнушался самолично проводить с нами шлюпочные занятия. Бывало, идём под парусом в ветер, вода уже обтекает планширь, а каперанг велит нам ложиться вдоль наклонённого борта ... впечатление незабываемое! У самых губ твоих, заколдовывая мраком, проносится таинственная глубина». «Авраамов привил нам любовь к воде. Проплывая вдоль берегов на шлюпке, он приказывал: «Каждый пусть нырнёт и... достанет мне что-нибудь со дна». Вода прозрачна и холодна. Видно, как плавают раскрытые зонтики медуз, ползают среди камней звёзды, все в иголках, тёмнопористые... Авраамов сделал так, что море для нас из затаённой опасности превращалось в дружескую стихию, а вода – в колыбель нашу».

Выходили в шлюпках юнги и в штормовую погоду – учились управляться с парусами. Чтобы отработать навыки спасения на водах, делали так: когда до берега оставалось сто метров, старшина выдёргивал пробку из днища шлюпки, вода начинала её заполнять и ребята должны были бороться за спасение плавсредства и собственные жизни. Ещё более жёстко проходило учение «спасение с горящего корабля». Неподалеку от линии прибоя был выкопан колодец и соединён с морем трубой. На верхний край этого сооружения наливалась солярка и... поджигалась. Юнги в полном снаряжении (шинель, ботинки) с высоты трёх метров должны были нырнуть через это горящее кольцо в колодец, проплыть по трубе и выбраться морем.

Вне сомнений, для таких учений нужна была отличная физическая подготовка. Этому способствовали занятия спортом. Для юнг был оборудован стадион с футбольным полем, волейбольная и баскетбольная площадки, работали секции (боксёров и гимнастов), проводились спортивные игры и соревнования. Очень любили мальчишки лыжные гонки, в которых, помимо юнгашей, участвовали девушки-краснофлотцы (они учились на связисток) и командирский состав школы. Весной и летом школяры переходили на легкоатлетическую подготовку, проводились кроссы. Соревнования были и по плаванию (вольный стиль, брасс, эстафета со спасательным кругом, плавание с гранатой) и прыжкам в воду с трёх и пяти метров. Плавание для будущих моряков было не только видом спорта, но и жизненно необходимым навыком, как и морская практика. Судя по отчётам руководства школы, за период 1942-45 гг. было организовано около сорока гребно-парусных гонок.

Все эти мероприятия вносили положительные эмоции в напряжённую школьную жизнь, как и участие в художественной самодеятельности. Сцена матросского клуба выдерживала пляски и акробатические номера, сольное и хоровое пение. Здесь звучали стихи и даже сочинённая юнгами баллада о Соловках. Неслучайно, из юнг вышли артисты и певцы, самый знаменитый их них – народный артист СССР Борис Штоколов. Заметки в газету учебного отряда «Товсь» были пробой пера будущих писателей. Спустя годы Владимир Зыслин (под псевдонимом Саксонов) издаст «Повесть о юнгах», Виталий Гузанов – две повести («Юнги Северного флота» и «Соловецкие паруса»), Валентин Пикуль, автор множества исторических романов, посвятит своей юнгаешеской юности автобиографические произведения «Мальчишки с бантиками» и «Океанский патруль». Заслуженные художники РФ Дмитрий Арсенин и Юрий Мошкин тоже начинали своё учение на Соловках: в художественной мастерской ШЮ они делали копии полотен, посвящённых победам русского флота.

Ещё одной отрадой сердца для юнг было кино, которое «катили» в клубе раз в неделю. С замиранием сердца ребята погружались в мир героев экрана. В своём дневнике юнга Б. Московский писал:

«Вчера смотрел кино «Как закалялась сталь». Слова, которые говорил Павка, я запомню на всю жизнь: «Я иду драться за любовь и счастливую жизнь. Я иду убивать для того, чтобы не было больше войны и смерти. Я иду убивать для того, чтобы мы могли жить счастливой жизнью».

Юнги и сами внесли вклад в дело победы, будучи ещё учениками. Им было предписано выдавать жалование 8 рублей 50 копеек в месяц. На эти деньги можно было покупать бумагу для писем, конверты, бритвы, так как многие юноши уже брились, ну и, конечно, любимые сладости. Однако юнги и их командиры решили собрать деньги на постройку торпедного катера под названием «Юнга». Они смогли сделать это уже в марте 1943 года. Вскоре от Верховного Главнокомандующего пришла телеграмма:

«Передайте юнгам, собравшим 160 тыс. рублей и 40 тыс. облигациями на постройку торпедного катера, мой привет и благодарность Красной Армии. И. Сталин».

В августе 1943 года у юнг начались настоящие стрельбы, им начали выдавать в караул боевые патроны. Правда, заканчивалось это иногда плачевно: недосыпавшие юнги стреляли на любой шорох, не получив ответа на вопрос «Кто идёт?». Так была убита совхозная корова и лошадь Бутылка.

Осенью 1943 года обучение первого набора подходило к концу. Принимать выпускные экзамены к ним приехали офицеры с боевых кораблей. Комиссией было поставлено 4039 оценок, из них: отличных – 3129 (77,5 %), хороших – 788 (19,5 %), посредственных – 122 (3 %), неудовлетворительных – 0. В отчётах комиссии значилось: «отличники: в 1 батальоне – 76 человек, во 2 батальоне – 188 человек и личный состав 42 и 43 смены – все отличники». На смену первому выпуску уже прибыл второй набор. Юнги первого набора вспоминали:

«Как разительно мы отличались друг от друга. Вид у новичков был ещё тот. Маленькие, худенькие, с голодным блеском в глазах... в пузырящихся великоватых брюках и необношенных форменках. И мы – стройные, по-военному аккуратные, всё подогнано по размеру. «Ветераны» отыскивали среди новичков своих земляков, расспрашивали о жизни в родных местах, подкармливали хлебом, давали разные практические советы».

Надо сказать, тягот учебной жизни хватило и на следующий набор: боевые тревоги по восемь раз за ночь, марш-броски и просто утренние «пробежки» по полной выкладке. И они были иногда такими же шалопаями, как и их предшественники. Например, однажды внесли старшину, который был часто несправедлив к юнгам, вместе с кроватью из кубрика и стали «топить» его в Святом озере. Больше старшина юнг не обижал...

«Три года войны наши юнги хлебнули, три года мальчишки выросли в боях...»

Приказом № 0156-0159 командира Учебного отряда СФ от 05.10.43 г. 1397 выпускников 1-го набора отправили на флота и флотилии. Перед отъездом мальчишки давали клятву: «Родина! Великая Советская держава! ...Мы клянёмся отдать все силы, отдать жизнь, если надо, за свободу и независимость нашей Родины». После обучения юнгам полагался месячный отпуск, от которого все отказались.

Думается, по прибытию на место службы, мальчишек всё же берегли или не очень доверяли их подготовке – их чаще оставляли на берегу работать в механических мастерских. Однако попав наконец-то на корабли, юнги сражались наравне со взрослыми. Здесь «морские волчата», как они называли себя, превращались в «морских волков». Из Соловецких юнг вышли знаменитые флотоводцы, Герои Советского союза адмирал В. Коробов, контр-адмирал Ю. Пандорин, капитан второго ранга Н. Усенко.

Соловецкие юнги служили на всех флотах России, прошли проверку боем. Наиболее известен подвиг юнга Александра Ковалёва, кавалера ордена Красной Звезды Отечественной войны I степени и медали Ушакова: во время боя он закрыл своим телом пробойну в моторе, чем спас свой корабль. Погиб юнга, любимец экипажа и любитель игры на гитаре, позднее – от разрыва немецкой фосфорной мины...

Другой знаменитый «морской Орлёнок» - юнга Владимир Моисеенко стал Героем Советского Союза. В войне с Японией он удерживал высоту, заменив раненого

командира. Он забросал гранатами два вражеских блиндажа и написал предсмертную клятву: «Умру, но не сдам японским самураям этой высоты».

О подвигах выпускников Соловецкой ШЮ говорят их награды: семь юнг были награждены орденом Красного Знамени, более 150 человек – орденом Отечественной войны I и II степени, 130 человек – орденом Красной Звезды, сотни юнг – медалями Ушакова, Нахимова и другими наградами. Описаны судьбы Е. Ушакова (Охалова), награждённого орденом Красной Звезды и медалями Нахимова и Ушакова; И. Зорина, удостоенного ордена Красного Знамени и медали «За боевые заслуги», С. Шкарина, получившего Орден Красной Звезды в семнадцать лет. Михаилу Трунину такая же награда спасла жизнь: осколок снаряда попал в орден на его груди, лишь сбив эмаль с одного из лучей звезды. Однако сколько же ещё не воссозданных судеб и не преданных земле тел: многие из юнг нашли свой «последний приют» в море! Вот описание одного из боёв в Заполярье, сделанное Сергеем Раковым: «бомбовая серия накрыла катер. Там была команда из пяти человек: двух взрослых и трёх юнг...»

Выпускникам первого призыва досталось несколько лет войны. В 1944 году через газету они обратились к соловецким юнгалям:

«Юнги! Море любит сильных, смелых и умелых... Нет для советского юноши счастья выше, чем быть настоящим моряком».

В сентябре 1945 г. в жизни ШЮ произошло два значимых события: выпуск третьего набора и передислокация с Соловецкого архипелага в город Кронштадт, где 27 августа 1952 года был произведён последний (восьмой) выпуск Школы юнг.

«Никогда я не думал, товарищи, что о юнгах откроют музей»

Страшная статистика: в период войны ПОГИБ КАЖДЫЙ ЧЕТВЁРТЫЙ выпускник школы юнг. Однако до 1985 года юнги не считались участниками Великой Отечественной войны. Возможно, потому, что, по Женевским конвенциям, лица, не достигшие восемнадцати лет, не имели права приносить присягу и принимать участие в военных действиях. Однако в своё время маршал С.Ф. Ахромеев проявил настойчивость и исправил эту историческую несправедливость.

Сами юнги собрались на свою первую встречу после выпуска лишь в 1972 году – в год тридцатилетия основания школы. По их инициативе на Соловках появился первый памятник – мемориал юнгашам.

В 1988 году в Москве во дворе школы № 349 был установлен памятник по проекту бывшего юнги, художника Е.Н. Горячева: два якоря, соловецкий камень, а на нём – бескозырка с надписью «Школа юнг ВМФ».

Ещё два памятника – скульптуры юнг – были созданы скульптором Фридрихом Согайном. Первый был установлен в 1993 году [в Архангельске](#) на набережной Северной Двины. Второй появился в 2005 году в Москве на площади, которой в 1995 году было присвоено имя Соловецких юнг.

В песне бывшего соловецкого юнга барда В. Леонова есть такие строки: «Никогда я не думал, товарищи, что о юнгах откроют музей». Однако в России их уже несколько. Самый первый из них был основан в 1983 году в Москве в школе № 349 (сейчас это школа № 1748 «Вертикаль»).

Есть музей в Нижнем Новгороде (многие из юнгашей были горьковчане) при Школе искусств и ремёсел «Изуграф». Но носит название «Музей Боевой славы юнг Северного флота им. Д. Арсенина». Карандашные зарисовки юнга Дмитрия Арсенина дают представление о повседневной жизни учеников школы, поскольку иметь фотоаппараты юнгам было запрещено.

В Архангельске, поскольку именно здесь шло формирование наборов ШЮ, существуют два школьных музея: в школе № 11 (она всегда была «с морским уклоном») музей появился в мае 1985 года. А самый молодой музей был открыт в 2018 году в ... [школе Соловецких юнг](#). Да-да, такая общеобразовательная школа существует в Архангельске, и во многом она продолжает традиции подготовки юных моряков, заложенные на Соловках в годы Великой отечественной войны. Есть и виртуальные музеи-проекты, посвящённые сбору биографий юнг, например, соловецкий проект [«ЮНГ Аграфия»](#). Так в настоящее время увековечена память о «мальчишках с бантиками».

А на вопрос «нужны ли были эти четыре тысячи мальчишек для фронта?» хочется ответить словами писателя Валентина Пикуля:

«Конечно, не я принёс Родине победу. Не я один приблизил её волшебный день. Но ...в общем прекрасном Пире Победы была маленькая капля и моего мёду».

Автор: Чуракова Ольга Владимировна, доцент САФУ, Архангельск.